

ДВЕНАДЦАТЬ КВАДРАТОВ

НАТАЛЬЯ НОВАЛЕНКО
Родилась в 1970 году в Североморске. Живет в Москве. Финансист. Историк. Окончила НИУ-ВШЭ, франкофонное отделение Collège Universitaire Français à Moscou (степень Master I),

магистратуру и аспирантуру по истории в РГГУ. Публиковалась в профессиональных научных журналах. Выпускница курсов прозы и поэзии BAND. Художественную прозу и стихи пишет с 2015 года.

Их там ровно двенадцать. Да, ровно двенадцать квадратов со скошенными углами и с мелкими цветами внутри. Я считала. Это узор такой на обоях в прихожей. Но сейчас их не видно, потому что я сняла очки и теперь вместо двенадцати квадратов там просто серо-бежевость. В очках спать глупо, да и не нужно, смотреть все равно не на что, а я еще не сплю. И не вижу. Точнее, вижу через проем открытой двери вешалку с кучей одежды, прямо напротив моей кушетки. Нет, тоже не вижу, а просто знаю, что это вешалка и одежда, так же как знаю, что на обоях рисунок из двенадцати квадратов. А если бы не знала? Смогла бы понять, что это? Попробуем. Там просто что-то темное, как будто медведь свернулся и спит, прилепившись к стене, – вот его лапа, вот голова...

– Да, нормально. Светка уже в седьмой класс ходит. – Каждый вечер мать стоит в прихожей и треплется по недавно проведенному в квартиру телефону о всякой ерунде с многочисленными подругами. Ого! Ну-ка, кажется, что-то обо мне... Я задержала дыхание и прислушалась. – Уже больше меня вымахала. Только слепая совсем стала. Очки каждый год меняем. Прямо не знаю, что делать. Читает много. Ага... и не говори...

Слепая? Я? Я слепая? Почему она так меня называет? Слово ужасное, как будто шлепок, за

которым сразу ватная темнота... Подушка вдруг стала жаркой. Я перевернула, легла на живот и зарылась в нее лицом. Прохладная сторона впитывала слезы. Громко хлюпать носом нельзя – не оберешься скандала – мать прибежит и начнет докапываться: «Чего реवेशь, что тебе еще не хватает, что в школе не так?» Она меня вообще не понимает. И еще с очками этими достала просто! Я не хочу быть очкариком! Не хочу быть слепой! Ну почему-у-у?

Каждый год она таскает меня к врачу, только чтобы удостовериться, что мое зрение стало еще хуже. Ну и еще чтоб справку получить для первой парты в школе. Я вот, правда, прямо боюсь этих окулистов. Каждый раз идешь приговор выслушивать – стало хуже, очки толще!

– Ш, Б, М, Н, К. – Верхняя часть таблицы бесполезная, это я знаю наизусть, хотя, честно говоря, даже гигантские Ш и Б, возвышающиеся над другими буквами, мне уже почти не видны. Один глаз, другой. Одинаково.

Потом врачиха открывает большую плоскую шкатулку и напяливает мне на нос страшно неудобную уродскую конструкцию, куда вставляет круглые стекла с ушками. Тут уже не схалтурить – нижние строчки никак не запомнить. Если не видно, то все! Но окулистка каждый раз пытается выжать из меня больше, чем я вижу:

- Ну, а вот эту строчку видишь?
- Не-а.
- А так? – Еще один стеклянный кружляшок залез в железную краказябру. – Ну присмотришься. На что похоже?
- Ну, может быть, Б. – Они нарочно такие буквы подбирают, что ли? Непойми неразбери!
- Нет. Это Ы. – Докторша снимает с меня орудие пыток и что-то пишет в медицинской карте. – Ну, что могу сказать... – Перед вынесением вердикта она делает небольшую паузу, вздыхает и обращается к матери: – Зрение у вас упало еще на диоптрию. Получается... – подглядывает в карту и листает страницы, – каждый год по диоптрии. Это много. Я ей выпишу очки для дали побольше, но вблизи пусть старается читать без очков, мышца глаза должна работать! Нам главное не допустить прогрессирования. Остановить падение. Для этого можно к нам приходиться упражнения делать здесь под контролем и еще дома гимнастику для глаз Бейтса. Вот держите. – Порывшись в железной тумбочке, она вынула два листа напечатанного на машинке текста и передала матери.

Темно. Когда мы вышли из поликлиники, было уже темно. Фонари расплывались большими пятнами где-то сверху. Под ногами хлюпали валяющиеся влажные листья. Стекла очков покрылись мелкими брызгами дождевых капель, от которых капюшон плаща не спасал. Мать всю дорогу пилила:

- Так! Мне уже надоело это. Будешь делать гимнастику регулярно. Это ж твои глаза! А ты так к этому относишься. О чем ты вообще думаешь? Если бы ты занималась своими глазами, то оно бы так не падало. Как будто это мне надо! Сколько раз тебе говорила – нечего читать книги носом! Что мы потом с тобой делать будем, если ты совсем...

Что совсем? Ну что?! Блин. Да, я и так все понимаю. Когда она заткнется. Что я могу сделать? И так тошно. Мокро. Пережить. Пусть болтает. Упражнения попробую, но вряд ли помогут. Блин, ботинок продырявился, колготки уже намокли. Еще матешу делать, эта дурында сегодня пять упражнений задала. История устная, можно не делать. Английский пересказ все равно ничего не понимаю. Вроде больше ничего.

Так. Рисуем фломастером точку на оконном стекле. Отходим на шаг и смотрим на точку. Смотрим вдаль. На точку... Вдаль... Глаза закрыли, открыли... Вправо, влево... Ладно, на сегодня все.

Вчера некогда было, позавчера забыла. Но сегодня я молодец. Интересно, а может, действительно поможет?

Двенадцать квадратов над вешалкой становятся чуть более различимы, если прищуриться. А если растянуть уголки глаз пальцами до монгольских, то можно увидеть даже их контуры, но цветы внутри все равно остаются серой массой, хотя «спящий медведь» на мгновение превращается в мамино пальто, а его лапа – в мой плащ. Правда, долго так держать глаза трудно. Так можно быстро посмотреть на доску в классе. Главное, чтобы училка не увидела, а то она ж на весь класс потом орет: «Чего шуришься?! Очки твои где? Дома забыла?» Тогда прям хоть сквозь землю от стыда проваливайся. Потом классная стучит матери, что я не ношу очки в школе. Та скандал опять устраивает. Недавно тут сравнивала очки с костылями для безногого, это не стыдно, говорит, как будто я дурочка и не понимаю ничего. За что мне все это?

В то лето стояла жара. Меня в первый раз отправили в лагерь от папиной работы. Я второй класс закончила, и как раз с этого возраста в пионерский лагерь берут в младший, последний по возрасту отряд. Тогда в нашем отряде была одна девочка, такая маленькая, меньше всех на год, первый класс только закончила, дочка работницы столовой, белобрысая, с двумя огрызками-хвостиками и в очках со светло-голубой оправой и проволочными дужками, закруглявшимися за ушами, которые она снимала, только когда спать ложилась. В лагере мы ходили из спального корпуса в столовую парами. А у нее не было пары, потому что никто не хотел с малявкой водиться, и ей приходилось идти одной в самом конце нашего отряда. Почему-то именно ее все выбрали в качестве объекта для шуток и насмешек. Не злобно, она ж нам ничего не сделала, но обидно. «Очкарик – в жопе шарик!» – кричала и я вместе со всеми. Мы смеялись, а девочка плакала, и мы смеялись еще больше. Зачем мы ее дразнили? Да просто так. Почему я об этом помню и никак не могу забыть? Иногда мне кажется, что мои очки – это наказание за ту обзывалку.

Первые очки, прописанные мне в третьем классе, были сразу минус три. Но я не собиралась их носить! Вот еще! Я же не очкарик! Ненавистный предмет лежал, спрятанный в пластмассовом зеленом чехле в портфеле. Так, просто чтобы были. Неудобств особых без них не было. Сидя на первой парте, я почти всегда видела, что написано

на доске, а если не видела, то списывала у соседки по парте. Каждый год в октябре мама обновляла предмет моей неприязни: стекла становились толще, хотя оправа всегда была одного стиля – толстая черно-коричневая пластмассовая, в оптике других оправ для детей просто не было.

– Ты думаешь, это прям вот легко? Ты видишь только результат, а это тяжелый ежедневный труд! Ты начнешь и бросишь! А мы пианино покупай, занятия оплачивай. И вообще, с чего ты решила, что у тебя талант к музыке? – Отец наваливал в кучу все аргументы сразу против моей просьбы учиться музыке.

– Не брошу. Вон Катька и Наташка ходят в музыкальную школу и не бросают, – несколько раз пробовала я и в первом, и во втором классе убедить родителей отдать меня в музыкальную школу.

Подружкам я завидовала. У них дома были замечательные полированные пианино, на которых они тщательно выводили этюды Черни и менуэты, а Наташка научила меня играть собачий вальс. Тара-та-та-там, тара-та-та-там. Но дома применить это умение было не на чем.

– А возить тебя туда кто будет? У твоих Наташек и Катек бабушки есть, а мы с отцом работаем целыми днями. Ты бы лучше школьные уроки хорошо делала. Вон трояков уже нахватала. – Мать всегда съезжала на тему школы, и разговор продолжать было бессмысленно.

Теперь я бы и сама ездила в музыкальную школу, уже можно, все-таки седьмой класс. Но теперь поздно. В моем возрасте туда не берут. Хотя жаль, конечно. Если я буду слепая, то могла бы играть на пианино – на звуки не надо смотреть, их надо слышать. Интересно, а если бы предки в первом классе знали, что я ослепну, то согласились бы, чтобы я училась музыке? Но они ж тогда не знали. А мне нравится слушать музыку. В прошлом году на день рождения родители подарили плеер. Это был лучший подарок. Раньше только книги дарили да одежду. Теперь книги не дарят, вроде бы как мне вредно читать, поэтому книги я у подруг беру на время. А с плеером сидишь такой, наушники с поролоновыми подушечками надел – и балдеешь. Я несколько кассет записала себе у Катьки, у нее двухкассетник есть, и отец из загранки записи привозит. С музыкой и уроки лучше делаются, и книжки можно читать. Но вот музыкантом мне уже не быть. Придется какую-то другую профессию выбирать. Без музыки. Родители хотят, чтобы я инженером была. По мне так это фигня

какая-то скучная, сидеть и целыми днями что-то считать. Да и чтобы считать, надо будет на цифры смотреть, а вот тут проблемка намечается...

С этого сентября меня перевели в другую школу. Предки сами решили, что старая школа мне не подходит, и меня вообще не спросили. Мама сказала, что в другой школе учителя лучше, сильнее, особенно по математике, а тут я «съехала» да «хватит балду гонять». Мне было все равно, я не возражала, почему-то подумала, что хорошо побыть новенькой в классе. Но вот идти до этой школы дальше и две дороги надо переходить, причем без светофоров. А я на улице вообще не надеваю очки – мелкого ничего нет, чтобы рассматривать, а носить неудобно: то дождь их забрызгает, то запотевают после холода. Ну а машины на дороге крупные, их издалека видно, вечером фары включают, тоже видно. В общем, проблем никаких нет. Только если куда-то ехать, номер автобуса не видно, и я так несколько раз пропускала свой маршрут. Но, когда уже стоишь на остановке и он подъезжает, то видно.

Скоро у нас в классе дискотека будет на Новый год, и мне один мальчик записку передал, что хочет со мной танцевать. А еще недавно он меня домой провожал. Сказал, что я ему нравлюсь. Что он во мне нашел? Ну, без очков я еще ничего. Не красавица, но пойдет. Но с очками – глазки за стеклами маленькие кажутся, брови закрыты оправой, а ее нижняя часть где-то на середине щек. В зеркале на меня смотрела какая-то Тортилла. Ой! Во входной двери повернулся ключ – это шла с работы мама, и я успела отпрыгнуть от зеркала в прихожей в свою комнату на стул, сделав вид, что учу уроки.

– Ты дома?

– Да, домашку делаю. – Сердце стучит.

– Я тебя на завтра к окулисту записала, нашему, в ведомственную поликлинику. У тебя завтра сколько уроков? К трем успеешь ко мне приехать?

– Ну мам! Опять! Блин! На фига? Недавно ж были. Что этот твой ведомственный врач новое открывает в моих глазах? Чудо-очки предложит? Или порчу снимет? Надоело уже! – Я злилась, предвкушая еще одну пытку.

– Не «на фига», что за выражения? Та районная была, а у нас врачи лучше, мне порекомендовали. Как будто мне это больше надо, чем тебе. Я стараюсь, а от тебя одна неблагодарность. – Мать удалилась в комнату с бурчанием.

– Ш, Б, М, Н, К. – Это я знаю наизусть.

Доктором неожиданно оказался молодой человек, причем весьма симпатичный. Он почему-то мне «выкал»:

– Вы расстроились? Не переживайте, все нормально. Вы такая симпатичная девушка. Да, есть близорукость. Но это не катастрофа. Конечно, в ближайшие несколько лет, может, еще упадет на несколько диоптрий, организм растет, возраст такой у вас. Но потом все стабилизируется. И тогда вы сможете сделать операцию. Сейчас у нас в центре Федорова начали исправлять близорукость. Уже несколько лет делаем операции. Результаты очень хорошие. Делают их с восемнадцати лет. Поэтому приходите через четыре года, и я дам направление. Ну? Согласны?

Про операции я знаю, что иногда бывает аппендицит, мы с девчонками обсуждали, как и где там прямо живому человеку живот режут, фу-фу-фу! Но чтобы глаза!

– Не знаю. Ну нет. Это что прям глаза резать будут?! – Мне страшно даже произносить такое.
– Не бойтесь! Это не больно, там закапывают специальные капли, и вы ничего не почувствуете.
– Не знаю. А может, ничего не стабилизируется, а... и я... я... ну, в общем, совсем плохое зрение будет...
– Совсем плохое не будет. Я вам обещаю. – Доктор засмеялся. – Я еще никого не обманывал.

Когда мы вышли из поликлиники, на улице неожиданно оказалось светло. Снег, выпавший, пока мы были у врача, сделал улицы белыми. Я глубоко вдохнула морозный воздух, и внутри появился смешок непонятной радости, который счастливым «ыыыыы» сидел где-то ниже шеи, хотелось прыгать и бежать. Мать, шедшая рядом, возмущалась про непробированные методики, что сами доктора в очках, что глаз – это вам не живот... А я думала об одном – а вдруг правда? И я тогда буду видеть эти чертовы двенадцать квадратов и пальто больше не будет медведем?

